

ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ РУССКИХ И РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ СРЕДА В ПОЛЕССКОМ И НОВОГРУДСКОМ ВОЕВОДСТВАХ (1921-1939 гг.)

В.С.Мисиюк

Брестский государственный технический университет, г.Брест, Беларусь

Национальная самоидентификация русских, проживавших на территории Второй Речи Посполитой, основывалась на трех критериях: этническом, цивилизационном и государственном. У людей, имеющих русское (великорусское) этническое происхождение, как правило, не возникало проблем с самоидентификацией. Для государственной администрации существование русских поселений и отдельных носителей русской этнической культуры не представляло угрозы государственной целостности страны в виду их малочисленности и дисперсного проживания. Компактными этническими группами селились лишь русские старообрядцы. Их культурные потребности в рамках государства удовлетворяла русская старообрядческая гимназия (№12) в г. Вильно.

Понятия национальная принадлежность и гражданство во многих странах тождественны. Под национальной культурой в таком государстве понимается использование языка этнического большинства, овладение которым вменяется в задачу гражданам. Таким образом, причислять себя к определенной нации имеет право каждый гражданин, в том числе не принадлежащий к этническому большинству. Национальное самосознание в данном случае основывается на гражданском патриотизме. Человек с подобным самосознанием тесно связывает свою жизнь с существованием конкретного государства. Так как Вторая Речпосполитая была молодым государством, состоящим из частей прежде отдельных государств, то носители данного типа самосознания были наиболее опасными для государственной целостности страны.

Для гражданского национального самосознания чувство ответственности за судьбу русской государственности и ее культуры становится определяющим. Офицеры российской армии, служащие администрации имели полное право нести ответственность за судьбу того государства, которому присягали на верность. Во многих случаях они не были русскими по происхождению. Среди прочих можно отметить полковника российской армии Бориса Карловича фон Гагмана – главу отделений Российского благотворительного общества и Российского общевойскового союза в Гродно [16, 186]. Жена известного русского аристократа Полесья Д.Ф.Хоментовского Надежда Аристовна Макс, как и глава новогрудского отделения РБО Г.Моллер, и «представитель русского населения» в Пинском магистрате, педагог Василий Илларионович Гейхрех, член Русского национального объединения в Гродно А.А.Байрашевский (татарин по происхождению) не были этническими русскими [11, 3; 1, 51; 16, 180]. Некоторые стали русскими только во втором или даже первом поколении. Среди зажиточных дворян неэтническим русским был римо-католик Станислав Мацкевич. Местная администрация для таких, как он, подобрала собственное определение - «поляки с русофильской ориентацией», известные более как потомки «катэрыняжы» (поляков признавших легитимность Российской империи на земли б.Первой Речипосполитой) [2, 74]. В ряде случаев лица с русским гражданским самосознанием не приняли польского гражданства и жили на правах «лица неустановленной государственной принадлежности» даже в тех случаях, когда обладали в пределах государства крупной земельной собственностью.

Крестьянство менее зависело от центральной власти и поэтому могло позволить себе легко изменить национальную идентичность: «Например, нередко говорили: были

под русскими, были русские; перешли под Польшу, стало быть теперь польские» [12, 1]. Данное утверждение как нельзя лучше подтверждает связь национальной идентичности и государственности.

Как известно, польское правительство поддерживало русские антисоветские формирования во время польско-советской войны. В то же самое время, существование России в прежних границах (будь то советской либо какой-то еще) противоречило польским национальным интересам. По территории Западной Белоруссии должен был проходить «антирусский защитный вал» [13, 199]. Тем более нежелательно было проживание здесь людей эмоционально связанных с русской государственностью. Соображения общественного порядка позволяли польской администрации значительно ограничивать деятельность русских национальных институций. В отношении к национальным организациям местная администрация применяла нормы военного времени, а именно Распоряжениями Генерального комиссара Восточных земель от 31.10.1919 г. (*Rosporządzenia Komisarza Generalnego Ziem Wschodnich – R.K.G..Z.W.*). Существование упомянутых «Распоряжений» создавало на территории Западной Белоруссии локальное юридическое поле, которое позволяло значительно ограничивать деятельность общественных организаций. Можно предположить, что именно эта особенность локального права повлияла на то, что в сравнении с иными воеводствами позиции национальных меньшинств на территории бывших российских губерний, несмотря на их относительно высокий процент, не были сильны на протяжении всего периода существования Второй Речипосполитой.

Уже в 1921 году новогрудский воевода, ссылаясь на R.K.G..Z.W. (статья 17), отказал в праве на регистрацию «Собранию русских учителей в Докшицах». Причиной отказа послужил тот факт, что среди основателей «Собрания» были сторонники российской государственности [8, 30]. Благодаря тому, что понятие русский тесно было связано с политической реальностью, и это позволяло отказывать в регистрации общественных объединений, русские во Второй Речипосполитой существовали в условиях организационного хаоса. Первые легальные русские общественные и политические организации «Русское благотворительное общество» и «Русское национальное объединение» появились лишь в 1924 и 1926 годах.

В интересах польского правительства было как можно быстрее избавиться от наследия Российской империи и ее сторонников. Прежде всего, это касалось прорусски настроенных иерархов православной церкви. Многие из них продолжали признавать верховенство российских первосвященников. Новогрудский и Пинский епископ Пантелеймон за отказ признать автокефалию польской православной церкви был лишен сана и помещен в монастырь [14, 17]. Противник автокефалии, Гродненский епископ Владимир, провел в Гродно 14-15.06.1922 г. поместный собор, который высказался против польской православной автокефальной церкви. Впоследствии епископ также был помещен в монастырь и через некоторое время выслан из страны [16, 115]. Епископы автокефальной церкви были вынуждены мириться с существующими реалиями и всячески противостояли попыткам духовенства декларировать верность московскому патриарху. Значительно позднее видные представители русской общественности Бреста и Вильно П.Король и В.Богданович оказали в прессе поддержку священнику о. П.Вачиньскому из Збуража Брестского повета, который продолжал считать главой церкви московского патриарха. Епископат не мог закрыть глаза на антипольские выступления в лоне церкви, даже если причиной были самые активные и зажиточные прихожане. В итоге Полесский епископ Александр потребовал от П.Короля повторного изложения перед ним «Символа веры», что означало требование отказа от его прежних взглядов и покаяния [1, 80].

Помимо иерархов православной церкви, враждебными польскому государству были признаны те, которые считают польское государство «переходным образованием, составную часть будущей российской монархии» - русские монархисты. 29 марта 1922 года Министерство внутренних дел Второй Речипосполитой распространило список русских деятелей из 23 человек, которые должны были покинуть пределы государства [6, 3]. Из страны удалялись прежде всего представители генералитета и офицерства, связанные с созданием из «рабочих дружин» «дивизии смерти». Подобные «рабочие дружины» на территории Полесского и Новогрудского воеводств организованы монархистами в Барановичах и Пинске. Каждая из них имела разветвленную сеть сторонников. [6, 2] Из распоряжений МВД следует, что упомянутые монархисты должны быть местными властями удалены вне зависимости от результатов следствия на предмет их антигосударственной деятельности.

Дисненский староста одной из основных проблем считал «переполнение администрации чиновниками русского происхождения, которые во время работы употребляют между собой русский язык, - не говоря уже о (их) делах» [7, 27]. Речипосполитая Польша была молодым государством. Традиции - Первой Речипосполитой уже не могли приниматься во внимание при построении нового государства. Первоочередной задачей центральной власти было сохранение целостности государства и ликвидация отличий его австрийской, германской и русской частей. Так же как и в западных, и южных воеводствах, в восточных необходимо было со временем избавиться от представителей администрации непольского происхождения - русских. Употребление в разговорной речи русского языка на территории Западной Белоруссии не могло быть критерием, позволяющим считать его носителя этническим русским, но для польской администрации этого было достаточно. Стратегически важной сферой, которую необходимо было очистить от сторонников российской власти, была железная дорога. Сохранились свидетельства массовых увольнений бывших царских работников. На участке Волковыск 13 июня 1923 года уволено 250 царских специалистов - православных белорусов [13, 55].

Многие русские долго не могли смириться, если вообще когда-либо смирились, с существованием в Западной Белоруссии польской администрации. Священник прихода в Старом Селе Столинского повета убеждал свою паству в том, что «эта часть страны только временно оторвана от России» [2, 89]. В отчетах полиции встречаются описания подобных разговоров белорусских крестьян Гродненщины о будущем: «характерно, что во время подобных разговоров никто не вспоминает про Беларусь, только про Россию, и что после освобождения от господства Польши (они) соединятся с Россией. Про Беларусь население вспоминает неохотно» [15, 113]. Такое отношение к белорусской национальной культуре отмечено и в других местах. На территории Барановичского повета «во многих случаях, видимо, под влиянием б. русских учителей и православного духовенства, просят преподавания русского языка при негативном отношении к белорусскому языку» [7, 45]. Исходя из выше сказанного, можно предположить, что причина сохранения русской самоидентификации среди белорусских крестьян 1920-х - 1930-х годов может быть связана именно с длительным отождествлением русской власти с собственной государственностью. В то время как идея национального белорусского государства не смогла себя еще на тот момент реализовать и оставить значительный след в сознании сельского населения. Еще одной причиной была культурная близость русского и белорусского народов.

В Российской империи вплоть до момента ее падения господствовало представление о том, что русские - это цивилизационная общность родственных православных восточнославянских «племен». Сторонники этой т.н. концепции «триединого русского народа» продолжали существовать и в среде русских Речи-

посполитой Польши. Подобный взгляд отстаивала ведущая политическая сила русского национального меньшинства - Русское национальное объединение. Из его программных документов следует, что «Русское национальное объединение в Польше считает, что подразделение коренного русского населения, живущего в восточных воеводствах на украинцев, белорусов, россиян, русинов и полешуков, понятное с этнографической точки зрения, не должно нарушать национального единства этих групп» [1, 8].

Цивилизационное понимание определения «русский» позволяло достаточно легко использовать белорусские и украинские элементы в деятельности русских организаций. Например, несколько деятелей белорусского национального движения перешли в русские национальные организации. Участник Слуцкого восстания, член БСРГ и филиала Белорусского кооперативного банка Михаил Ключанович стал организатором большой русской библиотеки в г. Пинске. Активистом Русского благотворительного общества стал также бывший член «Грамады» - Иван Дорошевич. В русских организациях можно было встретить также офицеров-белорусов армии Булак-Балаховича. Русский драматический кружок в Давид-Городке Столинского повета, который возглавляли о.Д.Перепечина и Г.Козакевич, чаще ставил украинские пьесы, чем русские [1, 27; 1, 48]. На балах в русской гимназии Бреста ученики одевали украинские национальные костюмы и даже использовали цвета украинского национального флага.

Влиятельным институтом надэтнической цивилизационной русской самоидентификации была православная церковь, которая использовала в делопроизводстве и проповедях русский язык. Государство стремилось к тому, чтобы жители всех его воеводств, в независимости от вероисповедания (римско-католического, лютеранского, православного и др.), чувствовали себя поляками. С данной целью было создано Общество православных поляков. Со временем власти стали требовать от иерархов православной церкви использования в делопроизводстве, преподавании «Закона Божия» и проповедях польского языка. Введение польского языка встречало сопротивление со стороны православного духовенства, прежде всего старшего поколения. Особо сильны позиции сторонников русского языка в церкви были среди православных поветовых миссионерских комитетов [9, 5].

На территории Западной Белоруссии в межвоенный период функционировала униатская церковь византийского обряда. В отличие от греко-католической церкви, она опиралась не на традиции киевской митрополии, а на привычный для современных ей православных «синодальный» обряд. Помимо прочего, в проповедях церкви данного обряда также использовался русский язык. Даже в тех случаях, когда священники использовали язык местного населения, их «белорусский язык в такой степени был изменен русизмами, что фактически это русский язык» [5, 72].

Русский язык использовали также и протестанты (баптисты, пятидесятники). Через сеть молитвенных домов на территории Полесского воеводства они распространяли русскоязычные газеты «Воскресная школа», «Гость», «Сеятель истины», «Маяк» и др. [4, 163]. Единственную известную нам нелегальную бесплатную русскоязычную школу на территории Полесского и Новогрудского воеводств, в д. Гутово Кобринского повета, создали и содержали протестанты. Изучение русского языка ее учащимися велось как необходимое условие понимания религиозных текстов [4, 160].

В материалах отчета Полесского воеводского управления перед отделом национальностей Министерства внутренних дел о ходе переписи населения содержится информация о тех случаях, в которых русское влияние могло исказить государственную статистику. «В Брестском повете значительная часть населения декларировала в качестве родного языка русский, а именно в Бресте, деревне Новоселки гмины Волчин и селе Зброги гмины Косичи, поясняя свое решение тем,

что они **читают и пишут по-русски** (выделение наше – авт.), то есть пользуются русским языком как родным» [2, 65].

Употребление в разговорной речи или на письме русского языка могло быть, как видно, причиной сохранения в Западной Белоруссии русской самоидентификации среди неэтнических русских. Кроме церкви, способствовали тому традиции российских городов, их русскоязычный характер. По словам журналиста украинской газеты «Новый час» Е.Яворского, в Пинске, после двадцати лет существования польской власти, в 1938 году «на улицах главным образом слышен русский язык» [3, 97]. Похожая ситуация, несколько более в пользу польского, была и в Бресте.

В среде брестского православного мещанства преданности русскому языку придавался мессианский характер. По воспоминаниям жительницы Бреста 20-30-х годов Т.А.Слесарук, «за веру и русское слово ее мать, Лидия Мироновна, могла бы пойти на эшафот» [17, 12]. Получившие распространение среди русских идеи космизма, теософии, антропософии способствовали убежденности в мессианском предназначении русского языка. Со слов жителя 1920-30-х годов г. Бреста, «Россия воспринималась, скорее, как духовное явление, чем как политический организм» [18, 38]. Подобное восприятие заключено также в словах пинского журналиста П.Хиневича. Он писал о том, что причиной бедности русских артистов «помимо всеобщего материального кризиса, главной можно считать всемирно-русский духовный кризис» [10, 2]. Польская полиция подтверждает склонность представителей русских национальных организаций (В.Ключанович, Б.Поставский) к подобным фантастическим идеям [1, 57].

Возвращаясь к вопросу употребления русского языка, следует отметить, что им прекрасно владели «русские евреи» Западной Белоруссии. По-русски писали стихи и прозу А.Мартынов (г. Кобрин) и С. Прорвич (м. Лунинец). В Пинске действовало литературное объединение русских поэтов «Шалаш поэтов», наиболее видными представителями которого были В.Коротышевский и Д.Майков.

Примечателен тот факт, что польские партии на Полесье использовали в качестве языка агитационной литературы русский. Русский использовали PPS-L, NPCh и даже политический проправительственный блок BBWR. В период предвыборной кампании 1928 года ими в Полесском воеводстве были изданы на русском языке газеты «Заря», «Сельская жизнь» и «Наша земля». Тем самым, региональные отделения политических польских партий и союзов признавали тот факт, что в их представлении русский язык был языком большинства избирателей воеводства. В качестве нормы русского языка редколлегиями во всех случаях выбраны правила, утвержденные в 1918г. Почему даже проправительственные польские партии, обращаясь к восточно-славянскому населению Полесского воеводства, используют именно русский, а не белорусский или украинский языки? Вероятно, причина тому – влияние коммунистической партии на умы автохтонного населения. Косвенным подтверждением тому является использование норм правописания 1918 года.

Приведем лишь несколько фактов распространения и роли русского языка в среде коммунистов. Орган КПЛиБ «Красное знамя» с 1920 года была первоначально «газетой той части трудящихся, для которых русский язык был наиболее понятным» [13, 247]. Лишь со временем газета стала белорусскоязычной. Одной из причин перехода на белорусский язык была потребность работы с основной массой населения - белорусским крестьянством. Однако понимание роли национальных языков было далеко не везде. Белостокский областной комитет КПП, влияние которого распространялось на Гродненский и Волковыский поветы, заказывал также русскоязычную литературу и для деревни [13, 147].

Руководство брестской организации КППП, недовольное тем, что на его адрес присылали польскую литературу, обратилось в Центральный комитет с письмом, где утверждало, что «большинство членов состоит из русских и евреев, которые не владеют польским языком, да и в целом население по большей части (в окрестностях Бреста - авт.) русское» [13, 130]. В ином письме та же организация требует ей высылать литературу «только на русском языке», подчеркивая, что здешнее местное население белорусского языка не знает [13, 161].

Приведенные факты свидетельствуют о существовании в границах Второй Речипосполитой таких феноменов национальной идентификации и языковой культуры, как белорусскоязычные и украинскоязычные русские, и русскоязычные белорусы и украинцы. Причиной их появления были сложные демографические, этноконфессиональные и политические процессы, происходившие в Российской империи.

Литература

1. Государственный архив Брестской области (ГАБО) ф.1. оп.9. д. 136
2. ГАБО ф.1. оп.9. д. 1182
3. ГАБО ф.1. оп.10. д.1507
4. ГАБО ф.2004. оп. 2. д.31
5. Государственный архив Гродненской области (ГАГО) ф.200. оп.2. д.12
6. ГАГО ф.551. оп.1. д.94
7. ГАГО ф.551. оп.1. д.76
8. ГАГО ф.551. оп.1. д.249
9. ГАГО ф.551. оп.1. д.1028
10. Под небом Полесья №3 1931
11. Под небом Полесья №4 1931
12. Под небом Полесья №7 1931
13. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР т.1 – Мн.: 1962
14. Костюк В. История Полесской епархии (1922 – 1944г.) – Брест: Брестская областная типография, 1999 – 152с.
15. Токць С.М. Беларуска вёска на мяжы эпох. Змены этнічнай самасвядомасці сялянства ва ўмовах распаду традыцыйнага аграрнага грамадства (па матэрыялах Гарадзеншчыны XIX-першай трэці XX ст.). – Гродна: Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Я. Купалы, 2003. – 191 с.
16. Черепица В.Н. Очерки истории православной церкви на Гродненщине (с древнейших времен до наших дней) ч.1 – Гродно: ГрГУ, 1999 – 320с.
17. Щеламова Т. Семейные реликвии // Вечерний Брест №59 2004г.
18. Монтилов М.В. Русская гимназия в Бресте на Буге 1919-1939гг. – Ним-Брест-Минск, 1996 – 119с.

Problem of Self-Identification Russian and the Russian Language Environment in Polesian and Novogrudok Districts (1921-39).

V. Misiyuk

Brest State Technical University, Brest, Belarus

The article describes three types of national identification of the Russian population of Western Belarus. Preservation of the Russian language in cities of Western Belarus during the described period has been connected to its use in the Orthodox Church and influence of Communist Party. These circumstances constrained development of the Belarus national identification.